

ПРЕДСТАВИТЕЛИ БОЯРСКОГО РОДА САЛТЫКОВЫХ И САМАРСКИЙ
СПИСОК «ПОВЕСТИ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ» (1628–1629 г.)¹

Борис Михайлович Салтыков, как отмечалось выше, по крайней мере, с 1606–1607 г. был стольником. В дни объявления Михаилу Романову в Костроме в марте 1613 г. о призвании его на царство и в дальнейшем Борис Михайлович, вероятно, находился рядом с новоизбранным царем, поскольку при первых назначениях в ближнем окружении царя он получил важную должность главы Приказа Большого дворца, т. е. главы дворцового ведомства — дворецкого. Этот приказ как аналог соответствующих приказов, существовавших на Руси при прежних царях, был создан в апреле 1613 г., еще во время продвижения царского поезда Михаила Федоровича из Костромы в Москву². Спешность создания Приказа Большого дворца, важность и приближенность к царю его главы объяснялись тем, что в ведении приказа находились дворцовые и монастырские вотчины, обеспечивавшие царю и его двору содержание. В день венчания Михаила Федоровича в Москве на царство, 11 июля 1613 г., во время обеда, данного в Грановитой палате, Борис Михайлович сидел «за кушаньем у государя»³. В первый год царствования Михаила Федоровича, а именно 6 декабря 1613 г., Б. М. Салтыков получил боярство⁴. При этом между ним и героем освобождения Москвы от поляков в 1612 г. князем Дмитрием Михайловичем Пожарским завязалась местническая тяжба, выигранная Борисом Михайловичем (Салтыков расценил отказ Пожарского объявить ему боярство как оскорбление, и спасителю Отечества перед «ничтожным, но родовитым соперником»⁵ было предписано унижительное извинение)⁶.

Должность главы Приказа Большого дворца Б. М. Салтыков занимал почти 10 лет, до 1621/1622 г.⁷ О его влиянии при дворе свидетельствовал один из современников: «Хотя бояре и думные советники сохраняют свое прежнее звание и ежедневно заседают в Думе, они ничего не должны делать, обсуждать или решать, на что не согласен Борис Салтыков... Борису Салтыкову принадлежат высшие совет и власть, не по его званию, а по тому, что он родственник старой монахини, матери теперешнего Великого Князя, и она ему представляет это»⁸. Значение при дворе Б. М. Салтыкова подчеркивают и сведения о его жаловании. Известно, что в 1618/1619 г. его годовой оклад равнялся 400 рублям⁹. Для сравнения: в период с 1615 по 1676 г., т. е. при первых двух царях из династии Романовых, самый большой боярский оклад, назначенный только двум человекам, составлял 700 рублей, следующий по величине оклад в 500 рублей имели лишь шестеро бояр¹⁰.

Брат Бориса Михайловича Михаил Михайлович Салтыков (младший), как отмечалось выше, в 1606–1607 г. имел чин стольника. При воцарении Михаила Романова получил должность кравчего (крайчего) — служителя при царском столе во время трапезы. Эта должность сама

¹ Окончание. Начало статьи см.: 2012. № 3 (49). С. 86–97.

² Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 104, 1140; Морозова Л. Михаил Федорович // ВИ. 1992. № 1. С. 38.

³ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 100.

⁴ Там же. Стб. 120.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1988. Ч. 3. С. 69.

⁶ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 120–124.

⁷ Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 284; Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. С. 163; Ср.: Приходо-расходные книги Казенного приказа // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 7; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 104, 282, 284, 1140.

⁸ Арсеневские шведские бумаги. М., 1913. Ч. 1. С. 32.

⁹ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 64, 66.

¹⁰ Егоров В. Сулешов, князь Юрий Яншеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. 20. С. 134.

по себе также свидетельствует о степени приближенности Михаила Михайловича к царю. В день венчания Михаила Федоровича на царство во время обеда в Грановитой палате Михаил Михайлович «стоял у стола» в кравчих¹¹. 4 апреля 1614 г. ему была пожалована должность кравчего с путем («путь» — право собирать различные виды доходов в собственное пользование с определенной территории; денежного оклада держатель должности с путем уже не получал. Традиционно кравчему с путем в «путь» давался город Гороховец (в современной Владимирской области), что было сделано и в отношении Михаила Михайловича)¹². Должность кравчего с путем М. М. Салтыков исполнял до 1623 г.¹³ Одновременно он стоял во главе Оружейного, Серебряного и Аптекарского приказов¹⁴. 7 января 1623 г. получил чин окольничего¹⁵.

Общим местом в историографии является фиксация именно в первые годы правления Михаила Федоровича близких отношений матери братьев Салтыковых инокини Евникии с инокиней Марфой, ее троюродной сестрой, которую после воцарения сына обычно именовали великой старицей инокиней Марфой Ивановной. Обе старицы жили в это время в московском кремлевском Вознесенском женском монастыре. Близкое положение к царю заняли и другие родственники Салтыковых. Так, в день венчания Михаила Федоровича на царство участие в торжественных мероприятиях принимал муж дочери старицы Евникии Марфы Михайловны — стольник князь Юрий Яншеевич Сулешев, который «в большой стол смотрел»¹⁶. В ближний круг молодого царя вошел также племянник старицы Евникии (сын ее скончавшегося уже к тому времени брата Ивана Андреевича Михалкова (VIII колено)) — Константин Иванович Михалков (2-я пол. XVI в. — вероятно, 1630) (IX колено), ставший в 1614 г. царским постельничим¹⁷. В день венчания Михаила Федоровича на царство К. И. Михалков был «у царского места»¹⁸, а в 1614 г. «сказывал» пожалованную государем должность кравчего (очевидно, уже кравчего с путем) Михаилу Михайловичу Салтыкову¹⁹. Константин Иванович приходился Борису и Михаилу Салтыковым двоюродным братом и так же, как братья Салтыковы, — четверюродным братом царю Михаилу Федоровичу. Именно К. И. Михалков по завещанию своих деда и бабки (Андрея Тимофеевича Михалкова и Марии Григорьевны, урожденной Шестовой (VII колено)) был владельцем второй половины костромского села Молвитино²⁰. Возможно, именно костромское землевладение сблизило его с будущим царем.

Хотя выявленные документы не дают полного представления о землевладении братьев Бориса и Михаила Салтыковых до 1623 г. (переломного года в их жизни), безусловно то, что после смерти в 1608 г. Михаила Михайловича (старшего) братьям перешли отцовские владения. Так, по состоянию на 1618/1619 г. боярину Борису и кравчему Михаилу Михайловичам Салтыковым принадлежала половина села Молвитино²¹. Вместе с тем вследствие вхождения

¹¹ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 111, 128, 168.

¹² Назаров В. Д. Из истории государственного аппарата в России в конце XVI — начале XVII в. // Советские архивы. М., 1969. № 2. С. 102; Кошелева О. Е. О частновладельческих городах в России XVII века // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1984. С. 11–12.

¹³ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 136, 176, 221, 282, 284, 357, 407 и др.; Известие о дворянях российских. СПб., 1790. С. 163–164.

¹⁴ Бояжвенский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. С. 284.

¹⁵ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 533; Рое М. Т. The Russian elite in the seventeenth century. Helsinki, 2004. Vol. 1. P. 444.

¹⁶ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 99; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 111, 128, 168.

¹⁷ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 132.

¹⁸ Там же. Стб. 100.

¹⁹ Там же. Стб. 136.

²⁰ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. М., 1912. Вып. 5. С. 19.

²¹ Там же.

в ближнее окружение царя братья, по всей видимости, получили новые большие вотчины и при этом, по мнению исследователей, не без злоупотреблений. Так, в Земляном списке 7121 (1612/1613) г. указывалось, что Борис Салтыков в том году был пожалован «на Вологде селом Заднее Егорьевское»; поместье это включало более 800 четвертей земли, что составляло «почти боярский оклад», но Б. М. Салтыков к тому времени еще не был боярином²². После бежавшего в Польшу Михаила Глебовича Салтыкова (VII колена) братьям Борису и Михаилу перешло разоренное поляками село Филипково Сорохотского стана Костромского уезда, отданное, вероятно, в 1614/1615 г. в вотчину их зятю князю Юрию Яншеевичу Сулешеву (в документе отчество передано как «Леонтьевич»)²³. Имеется упоминание о деревне Чупреяново как вотчине Михаила (Михайловича?) Салтыкова в Городском стане Звенигородского уезда²⁴. Исследователи отмечают, что в 1-й трети XVII в. Борис и Михаил Салтыковы являлись крупными землевладельцами и принадлежали «к узкому кругу крупновотчинной нетитулованной знати»²⁵.

Надо полагать, Салтыковым, издавна имевшим родовые вотчины в Звенигородском уезде, был духовно близок знаменитый Саввино-Сторожевский монастырь, который как раз расположен между Звенигородом и их владениями. Так, известно, что по приказу Михаила Михайловича (младшего) 23 октября 1614 г. (через год после изгнания из Подмоскovie поляков, разоривших в том числе и Саввино-Сторожевский монастырь) из таусинной (темно-синей) камки, присланной из Ярославля купцом Надеем Светешниковым, богатейшим человеком своего времени, был изготовлен покров на гробницу прп. Саввы Сторожевского²⁶ в этом монастыре. (Кстати, существует, возможно, совершенно случайная, но любопытная связь между Надеем Светешниковым, Саввино-Сторожевским монастырем и Самарской землей. В 1631–1632 г. Надей Светешников получил во владение пустынные земли на западе Самарской Луки (в современной Самарской области), где при нем были основаны слободы Верхняя, Средняя и Нижняя Усольские рядом с укрепленным городком и соляными варницами, которые уже в XVIII в. слились в существующее и ныне село Усолье. По имени владельца вся местность получила название Надеинского Усолия. После Светешникова Надеинское Усолье в 1660 г. получил в оброчное пользование Саввино-Сторожевский монастырь, а в 1673 г. монастырь получил на село жалованную царскую грамоту.) К сожалению, более никаких сведений о салтыковском покрове на гробницу прп. Саввы найти не удастся. Между тем в музеях Московского Кремля хранится искусной работы воздух «Христос во гробе», который, вероятно, являлся «вкладом боярина Бориса Михайловича Салтыкова в костромской Богоявленский монастырь в 1615 г.» и предположительно создан в мастерской бояр Салтыковых. В опубликованном каталоге древнерусского лицевого шитья музеев Московского Кремля отмечается, что сведения об этом воздухе без ссылок на источник значатся в акте его передачи в музей Кремля в 1931 г. из Костромского государственного областного музея²⁷. Возможно, воздух являлся вкладом Бориса Михайловича Салтыкова в Богоявленский монастырь по покойному отцу, похороненному в этой обители. Известно о покрове на гроб Михаила Михайловича (старшего) как вкладе в Богоявленский монастырь его супруги и детей²⁸, покрове, который, по всей видимости,

²² Приходо-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 29; Скрынников Р. Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 232.

²³ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Вып. 5. С. 111.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 638. Л. 90.

²⁵ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. С. 163.

²⁶ Приходо-расходные книги Казенного приказа. Т. 9. С. 175.

²⁷ Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М., 2004. Кат. № 78.

²⁸ Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре с XV по XIX век. СПб., 1837. С. 16; Писцовая книга Костромы 1627/28–1629/30 гг. Кострома, 2004. С. 311.

датируется 1615 г.²⁹ Все перечисленные вещи относятся к одному времени. Эти факты могут свидетельствовать о наличии у Салтыковых в начале XVII в. мастерской по изготовлению ценных предметов из ткани. В костромской Богоявленский монастырь братья Борис и Михаил Салтыковы сделали также вклад из серебряных сосудов, который тоже может датироваться началом XVII в.³⁰ Известно о вкладе братьев в Троице-Сергиев монастырь: 26 сентября 1615 г. они дали 100 рублей денег по «родителям своим»³¹.

В годы царствования Михаила Федоровича правительственный круг, по заключению исследователей, оказался тесно связан родственными и дружественными связями с царствующим домом и составил ему прочную политическую основу, так что главным содержанием тогдашних внутриполитических процессов была не столько борьба с оппозицией, сколько придворное соперничество между романовскими приближенными за первенство при дворе³². В качестве примера такого соперничества можно рассматривать событие, имевшее в последующем значение для истории Самары: в 1616 г. братья Борис и Михаил Салтыковы оклеветали перед царем Михаилом Федоровичем выбранную и нареченную его первую невесту Марию Ивановну Хлопову (представили ее больной), в результате чего она была выслана в Сибирь, в Тобольск, а царский брак расстроился. Считается, что причиной этого поступка Салтыковых было их опасение по поводу возвышения родни Хлоповой в случае ее брака с царем. В то же время известно, что женилбе Михаила Федоровича на Хлоповой противилась поддерживавшая Салтыковых мать царя великая старица Марфа Ивановна.

Близость Бориса Михайловича Салтыкова к царю и его влияние подчеркивают также два события, датирующиеся 1618/1619 г. Первое событие — посылка государем «ближних своих бояр князя Юрья Еншина да Бориса Салтыкова з братом» и других (вероятно, князь Юрий Еншин — не кто иной, как зять братьев Салтыковых князь Юрий Яншеевич Сулешев) справиться о здоровье царского отца митрополита Филарета, который все еще находился в польском плену³³. Второе событие — поступление на имя Бориса Михайловича Салтыкова челобитной от монаха Арсения Глухого. Последний, являясь справщиком богослужебных книг московского Печатного двора, в 1618 г. был обвинен в ереси и отправлен в заточение, откуда и написал челобитную с просьбой о помиловании³⁴. Обращение к Б. М. Салтыкову книжного справщика не было случайным. Дело в том, что книгопечатным делом на Руси до середины XVII в. ведали патриарший двор и Приказ Большого дворца³⁵, а Борис Михайлович как раз занимал в то время должность главы этого приказа. Возможно, обращение книжного справщика свидетельствует не только о властных полномочиях Бориса Михайловича, но также и о том, что он был человеком образованным и книжным. Монах Арсений был оправдан в 1619 г. приехавшим в Москву Иерусалимским патриархом Феофаном и вернувшимся из польского плена 14 июня 1619 г. и возведенным на Московский патриарший престол 24 июня того же года Филаретом³⁶. К лету 1619 г., времени возвращения Филарета, весь «клан Салтыковых»: бояре Б. М. Салтыков и князь Ю. Я. Сулешев, кравчий М. М. Салтыков и постельничий К. И. Михалков — входил в состав Боярской думы³⁷.

²⁹ Баженов И. Костромской Богоявленско-Анастасиинский женский монастырь. Исторический очерк. Кострома, 2006. С. 48.

³⁰ Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре с XV по XIX век. С. 16.

³¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 61.

³² Правящая элита русского государства IX — начала XVIII веков. СПб., 2006. С. 314.

³³ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 393; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 321.

³⁴ Б. Н. М. Арсений Глухой // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 427—428.

³⁵ Булычев А. А. О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVI — начало XVIII веков. М., 1989. С. 56.

³⁶ Б. Н. М. Арсений Глухой. С. 428.

³⁷ Правящая элита русского государства IX — начала XVIII веков. С. 313.

Известно, что по возвращении в Москву патриарх Филарет (обычно его именовали с прибавлением к монашескому имени мирского отчества — патриархом Филаретом Никитичем) деятельно включился в управление как церковными, так и государственными делами и фактически стал соправителем сына. Сохранилось словесное изображение патриарха его современником: «... владетелен таков был, яко и самому царю бояться его. Бояр же и всякого сана царского синклита зело томяше заточенми необратными и иными наказанми... Всякими же делами царскими и ратными владел»³⁸. Патриарх Филарет ограничил влияние на царя бояр, что всецело относилось и к Салтыковым. Вероятно, именно в это время (ранее 1620/1621 г.) у Бориса Михайловича Салтыкова было отобрано в казну его вологодского поместья с селом Заднее (Егорьевское)³⁹.

В последующие за этим годы о Б. М. Салтыкове известно, например, что в 1621 г. по случаю новой войны с Польшей он в Калуге производил смотр набираемых на военную службу дворян и детей боярских⁴⁰, в 1622 г. проводил разбор (т. е. перепись) дворян и детей боярских в Звенигородской десятине⁴¹.

В 1623 г. патриарх Филарет, озабоченный тем, что 27-летний царь все еще не был женат и, следовательно, не имел наследника престола, провел дознание о здоровье бывшей царской невесты Марии Хлоповой. В результате дознания осенью 1623 г. вскрылась возведенная на нее в свое время братьями Салтыковыми клевета — преступление, за которое виновные могли поплатиться жизнью. Однако указом царя Михаила Федоровича от 24 октября 1623 г. братья Салтыковы с женами были всего лишь сосланы «по деревням с приставами»: Борис Михайлович — в Вологду, в село Ильинское, Михаил Михайлович — в Галич, в Коткишевскую волость (территория современного Нейского района Костромской области); их мать, старица Евникия, была сослана в Покровский монастырь в Суздаль⁴². Поскольку в 1646 г. (через 12 лет после снятия с братьев Салтыковых этой опалы и в год смерти Бориса Михайловича) село Ильинское Кубенской волости Вологодского уезда и село Коткишево Коткишевской волости Галичского уезда числились во владении Михаила Михайловича⁴³, можно сделать вывод, что в 1623 г. Салтыковы были сосланы в собственные отдаленные вотчины. Известно также, что по царскому указу, предписавшему Салтыковым ссылку, их поместья и вотчины отбирались в казну⁴⁴. В частности, есть сведения об отписании на царя упоминавшейся выше деревни Чупреяново в Городском стане Звенигородского уезда⁴⁵; вероятно, также в качестве отписанной бывшей вотчины Бориса и Михаила Салтыковых половина села Сесловино Полесского стана Костромского уезда в 1626/1627–1630/1631 г. значилась за неким стряпчим Л. И. Пушечниковым⁴⁶; Михаил Михайлович лишился чина кравчего с путем и, как следствие, доходов с Гороховца⁴⁷. Но, судя хотя бы по тому, что Салтыковы были сосланы в собственные вотчины, не все их владения были отобраны в казну, а, вероятно, только основная часть. Например, по состоянию на 1627/1628 г. за Михаилом Михайловичем в Костромской земле значилось село Большие Соли⁴⁸. В 1628/1629 г. за Борисом и Михаилом Салтыковыми сохранялась половина села Молвитино; 5 июня 1630 г. в

³⁸ Хронограф митр. Пахомия (1639 г.). Цит. по: Тальберг Н. История русской Церкви. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. Т. 1. С. 329.

³⁹ Скрынников Р. Г. Михаил Романов. С. 232.

⁴⁰ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 522.

⁴¹ Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Город Звенигород. М., 1884. С. 33.

⁴² СГГД. М., 1822. Т. 3. С. 257–267.

⁴³ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. С. 151.

⁴⁴ СГГД. Т. 3. С. 257–267.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 638. Л. 90.

⁴⁶ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Вып. 5. С. 103.

⁴⁷ Кошелева О. Е. О частновладельческих городах в России XVII века. С. 11.

⁴⁸ Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Кострома, 1908. Вып. 4. С. 213–214.

связи с кончиной совладельца села Константина Ивановича Михалкова его часть села по указу царя была дана матери братьев Салтыковых — старице Евникии, а после нее все Молвитино перешло Борису и Михаилу Салтыковым⁴⁹. Михаил Михайлович в 1629 г. сделал вклад в возобновляемый в Куской волости Костромского уезда, недалеко от его владений, небольшой монастырь — Новую Славинскую пустынь⁵⁰: построил в монастыре деревянную церковь и богато украсил ее.

Несмотря на благоприятный для Хлоповых исход следственного дела, великая старица Марфа Ивановна все-таки сделала невозможной женитьбу царя Михаила Федоровича на Марии Хлоповой. Устроив в 1624 г. брак царя с Марией Владимировной Долгоруковой (?—7.01.1625), родственницей Салтыковых, она, возможно, тем самым втайне надеялась на возвращение Салтыковых из опалы. Мария Владимировна Долгорукова приходилась троюродной сестрой Борису и Михаилу Салтыковым по линии их бабки со стороны отца: Мария Владимировна была дочерью дочери (Марии Васильевны Барбашиной, в замужестве Долгоруковой) брата (Василия Ивановича Барбашина) матери (Анастасии Ивановны Салтыковой, урожденной Барбашиной) Михаила Михайловича Салтыкова (старшего)⁵¹ (см. родословную схему). Если бы Салтыковы смогли вернуться из ссылки и Мария Владимировна Долгорукова не умерла бы менее чем через год после того, как стала царицей, влияние братьев Салтыковых при дворе могло бы усилиться. Однако при жизни патриарха Филарета этому не суждено было произойти: Салтыковы находились «в заточении необратном». (Известно о вкладах Бориса и Михаила Салтыковых по покойной царице Марии Владимировне в переяславский Никитский монастырь, которые они делали после снятия с них опалы⁵².)

Не чем иным, как продолжением ссылки, явилось для братьев Салтыковых назначение их через два с половиной года после отправки по деревням воеводами в поволжские крепости. В Разрядной книге под 7134 (1625/1626) г. имеется запись: «Велел государь быти по городам воеводам... в Чебоксарех Михайло Михайлович Салтыков... на Самаре Борис Михайлович Салтыков»⁵³. О воеводстве М. М. Салтыкова в Чебоксарах как продолжении опалы прямо говорит позднейший царский указ, которым эта опала с него снималась: за то, что прогневал царя, «сослан ты был в Чебоксар»⁵⁴. Но и для Б. М. Салтыкова, бывшего ближнего царского боярина, назначение воеводой в Самару, захолустную крепость на восточных окраинах государства, явно было ссылкой. Известно, что «самарские воеводы XVII в., в соответствии с положением Самары среди современных ей русских городов, занимали очень скромное место по иерархической лестнице Московского государства»⁵⁵. К тому же отмечается, что на воеводство брата были посланы «из деревень, государских очей не видали» (надо понимать, что на воеводство они были посланы прямо из своих ссылок, аудиенции у царя не имели) и были разжалованы: Борис Михайлович не имел права именоваться боярином, Михаил Михайлович, соответственно, — окольничим⁵⁶. Оба они в этот период фигурировали в невысоком чине дворян московских⁵⁷.

Б. М. Салтыков, сменивший на воеводстве в Самаре князя И. А. Дашкова⁵⁸, значился там воеводой (так же как и М. М. Салтыков — в Чебоксарах) уже в апреле 1626 г.⁵⁹ Денежный

⁴⁹ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Вып. 5. С. 19.

⁵⁰ Там же. С. 189.

⁵¹ См.: Щербачев О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 64–66.

⁵² Там же. С. 63–64.

⁵³ Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 2. С. 339–340; ср.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 740–741.

⁵⁴ СГД. Т. 3. С. 341.

⁵⁵ Гераклитов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Самара, 2006. Вып. 2. С. 196.

⁵⁶ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 845–846.

⁵⁷ Рое М. Т. The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. P. 443, 444.

⁵⁸ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 740–741, 845–846.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 886, столбик 2. Л. 81; Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 4. Ч. 3. С. 36.

оклад Б. М. Салтыкова в Самаре в 1628/1629 г. (как раз во время создания самарской рукописи) был равным, как и прежде, в 1618/1619 г., 400 рублям⁶⁰. (Примечательно, что в начале 1628 г. в Москве с должности царского постельничего был отставлен двоюродный брат Бориса и Михаила Салтыковых К. И. Михалков⁶¹.)

Самара к этому времени представляла собой небольшую деревянную крепость, жителями которой были находившиеся на государственной службе стрельцы с семьями, посадские люди, а также немногочисленные дети боярские и дворяне. В 1629 (1630) г. численность служилых людей в Самаре была такова: «...воевода Борис Салтыков, голова у стрельцов Петр Перфирьев, городово́й прикащик 1 ч[еловек], детей боярских 20 ч., сотников стрелецких 3 ч., 100 ч. стрельцов конных, да 250 ч. пеших, переводчик 1 ч., толмачей⁶² 2 ч., часовник⁶³ 1 ч., пуш[к]арей 8 ч., воротников⁶⁴ 3 ч., кузнец 1 ч.»⁶⁵, итого с воеводой 392 человека. Из этого можно сделать вывод, что все население Самары составляло тогда порядка 1000 человек.

О самарской деятельности Б. М. Салтыкова на сегодняшний день документальных сведений практически нет. Разве что известно, что он обратил внимание на привезенного в Самару в начале 30-х годов XVII в. молодого татарского пленника Атманая, сына убитого яицкими казаками Едиманского мурзы Уруса, и велел отпустить его. (Впоследствии, после перехода на службу к русскому царю и крещения, Атманай стал родоначальником дворянского рода Кейкуатовых⁶⁶.) Но для нас важно, что именно во время воеводства в Самаре Бориса Михайловича там в 1628–1629 г. был создан список «Повести о Варлааме и Иоасафе».

Искушенный в придворных делах, наверняка знавший цену хорошо исполненным рукописным книгам (хотя в то время и печатные книги еще были едва ли не дороже рукописных), Б. М. Салтыков вполне мог быть заказчиком этой рукописи. На такой вывод наводят некоторые наблюдения. В предисловии к рукописи ее создатель священник Афанасий несколько раз говорит о некоем «благонарочитом» (т. е. особо значительном, особо знаменитом) муже, который подвинул его на этот труд. Называя этого мужа благочестивым человеком, более всего старающимся утвердить «в буре мирского пристрастия прилежание к душекормной (питающей душу, духовной. — А. М.) пище», ожидающим восприятия даров в Царствии Небесном, «украшающим не внешнее, но внутреннее», и прося читателей поминать этого мужа в своих молитвах, священник Афанасий ни разу при этом не называет его по имени, что выглядит достаточно странным: как будто переписчик, восхваляющий заказчика рукописи, намеренно не хочет (или не может) афишировать его имя. Явно, что выражение «благонарочитый муж» могло относиться только к светскому лицу, лицо духовного звания переписчик так не назвал бы. Возможно, речь здесь идет именно о самарском воеводе Борисе Михайловиче Салтыкове, находившемся в Самаре в официальной опале, но для переписчика являвшемся фигурой значительной, может быть, благодетелем. В одном месте предисловия о загадочном «благонарочитом муже» сказано как о «прилежащем и назидающем добре степенем церковным». Это можно было бы истолковать в том смысле, что заказчик рукописи имел некое отношение к церковным чинам и хорошо наставлял их (управлял ими). Вряд ли такая характеристика могла относиться к воеводе, речь могла бы идти о каком-нибудь церковном чиновнике. Известно, что в то время Самара входила в состав Казанской епархии. У епархиальных архиереев (владык) был

⁶⁰ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 20.

⁶¹ Правящая элита русского государства IX — начала XVIII веков. С. 315.

⁶² Переводчики, как правило, устной речи, т. е. имевшие навыки синхронного перевода.

⁶³ Служитель при городском часовом колоколе.

⁶⁴ Привратники при городских воротах.

⁶⁵ Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. С. 45.

⁶⁶ Акиншин А., Литвинова Т. Татарские князья Кейкуатовы в Воронеже // Генеалогический вестник. 2001. № 4. С. 49.

свой штат служилых людей, не облеченных духовным саном: владычные дьяки, управлявшие епархиальными Казенным и Судным приказами, и даже владычные бояре. Заказчик самарской рукописи мог быть одним из таких светских чиновников, состоявших на службе у Казанского митрополита. Однако глагол «прилежати» среди других значений имел значение «заботиться»⁶⁷. Поэтому характеристику, данную переписчиком заказчику рукописи, можно понять не в том смысле, что заказчик принадлежал к церковному управлению, а в том, что он имел о Церкви попечение, снабжал всяким довольствием церковные причты. Известно, что причты в крепостях, подобных Самаре того времени, получали ругу (содержание) от воевод. Такое понимание разбираемой фразы оправдано также последующими словами, относящимися к характеристике заказчика: «...и Божие Богу подающий». Т. е. «благодарный муж» материально окормлял церковные причты (заботился о земном устройении Церкви), а Божие отдавал Богу (вел духовную жизнь)⁶⁸. Представляется, что версия о Б. М. Салтыкове как заказчике самарской рукописи вполне правдоподобна. Но даже если он не был заказчиком самарской рукописи и мы не знаем, о каком «муже» говорит переписчик, то, поскольку в дальнейшем рукопись, согласно пометам на ее полях, о которых говорилось в начале статьи, принадлежала брату и племяннику Бориса Михайловича, он, по крайней мере, мог в Самаре рукопись приобрести и увезти с собой в Москву после снятия с него опалы.

Братья Салтыковы значились воеводами в Самаре и Чебоксарах вплоть до 7141 (1632/1633) г.⁶⁹ Только в начале 1634 г. они появляются в Москве. Явно, что возвратиться в столицу Салтыковы смогли лишь после кончины патриарха Филарета, последовавшей 1 октября 1633 г. (к тому времени уже не было в живых и великой старицы Марфы Ивановны). В первых числах октября 1633 г. было издано несколько царских указов о прощении опальных лиц в память почившего царского родителя. Например, указ о прощении Михаила Михайловича Салтыкова, повелении ему вернуться из Чебоксар в Москву и «быти в окольных по прежнему» датирован 4 октября 1633 г.⁷⁰, в Записных книгах Московского стола пожалование царем М. М. Салтыкова «из опалы в окольное» датировано 3 января 1634 г.⁷¹ А уже 6 января, в праздник Богоявления Господня, зафиксировано присутствие Михаила Михайловича в Москве при пожаловании боярства Б. И. Морозову⁷². Борис Михайлович Салтыков в прежнем чине боярина зафиксирован в Москве 12 января 1634 г.⁷³

Таким образом, Б. М. Салтыков пробыл самарским воеводой (так же как и М. М. Салтыков — чебоксарским воеводой) с апреля 1626 г. и, вероятно, по конец 1633 г. — семь с половиной лет, при том что «продолжительность службы воеводою в одном городе, как правило, считалась в два года»⁷⁴. (В Самаре воеводы менялись самое большее через три года; так, например, в 1614 г. всего по несколько месяцев воеводами были князь Д. П. Лопата-Пожарский и стольник князь В. И. Туренин, в 1614—1615 г. воеводой был князь М. В. Белосельский, в 1615—1618 г. — Ф. Тулупов-Вельяминов, в 1619—1620 г. — Ф. В. Волынский, в 1623—1624 г. — Д. Погожев, в 1624 г. — Б. Давыдов, в 1625—1626 г. — князь И. А. Дашков, в 1636—1637 г. — С. И. Воейков, в 1640—1642 г. — Ф. Племянников и П. Загряжский, в 1644—1645, 1646—1647 г. — князь

⁶⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2. Ч. 2. Стб. 1421.

⁶⁸ Аллюзия на евангельскую притчу: «...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22: 21; Мк 12: 17; Лк 20: 25).

⁶⁹ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 937; Временник императорского московского Общества истории и древностей российских. С. 45; Разрядная книга 1550—1636 г. Вып. 2. С. 364, 371, 375.

⁷⁰ СГД. Т. 3. С. 341.

⁷¹ Записные книги Московского стола // РИБ. Т. 9. С. 545.

⁷² Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 354.

⁷³ Правящая элита русского государства IX — начала XVIII веков. С. 317.

⁷⁴ Герасимов А. А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа). Вып. 2. С. 196.

В. Д. Горчаков, в 1649 г. — И. Ф. Головачев, в 1651 г. — С. Т. Овцын⁷⁵.) Необычно длительный срок воеводства Б. М. Салтыкова является дополнительным аргументом в пользу свидетельства его опального положения в период пребывания в Самаре.

Итак, после снятия опалы Борис и Михаил Салтыковы вновь появляются при дворе в прежних чинах: участвуют в официальных приемах, обедах с царем и патриархом⁷⁶. Например, 6 февраля 1634 г., в день поставления нового патриарха Иоасафа I, Михаил Михайлович в числе трех приближенных лиц держал повод осяти, на котором по традиции восседал патриарх при проезде по Москве⁷⁷. В тот же день оба брата Салтыкова присутствовали в Кремле на обеде у царя в честь поставления патриарха. На обеде был и «князь Юрьи Еншеевич Сулешев» — зять братьев Салтыковых. Местничество на этом приеме Бориса Михайловича со своим зятем, всего лишь через несколько месяцев после снятия с него 10-летней опалы, местничество, закончившееся для Бориса Михайловича тюрьмой, выдает, как кажется, его прямой и строптивый характер: «И Борис Салтыков бил челом государю на князя Юрья Еншеевича тем, что он иноземец. А князь Юрья бил челом государю на Бориса о бесчестье, а Борис со князем Юрьем сидел... Того же году февраля в 9 день сказал думной дьяк... Борису Салтыкову: на поставленьи потриархове ты государя роскручинил, а потриарха подлил. А велено было у стола быть бояром князю Ивану Борисовичю Черкасскому да князю Юрью Еншеевичю Сулешеву, да тебе, Борису. И ты Борис сказался болен, и по тебя послан на двор розрядной дьяк... а как ты выехал, и ты здоров, а не болен. И на князя Юрья государю ты бил челом, что он иноземец, а на Москве ново, и тем ты ево безчестил... И за ево князь Юрьево, бесчестье велел государь тебя, Бориса, посадить в тюрьму. А отводил ево, Бориса, в тюрьму Тимофей Караулов»⁷⁸. 1 марта 1634 г. М. М. Салтыков присутствовал при пожаловании боярства И. В. Морозову⁷⁹.

В последующие годы Борис Михайлович служил в Челобитном и Казачьем приказах, воеводой в Туле, Михаил Михайлович — в Разбойном и московском Судном приказах, воеводой в малороссийском городке Кропивна, Тверским наместником и воеводой в Казани⁸⁰. 10 июня 1635 г. братья Салтыковы вместе с князем Ю. Я. Сулешевым принимали участие во встрече в Москве перевезенных из Польши останков царя Василия Шуйского и вместе несли ночную череду у его гроба в кремлевском Архангельском соборе; в 1638 г. братья Салтыковы участвовали во встрече на Калужской дороге крымских послов⁸¹. 17 марта 1641 г. Михаил Михайлович стал боярином, это было последнее боярское назначение при царе Михаиле Федоровиче (в этот день вместе с М. М. Салтыковым боярство получил также В. П. Шереметев)⁸². В январе 1644 г. при приеме в Москве датского принца Вальдемара, приехавшего в качестве возможного жениха дочери Михаила Федоровича царевны Ирины Михайловны, М. М. Салтыков в составе боярской делегации встречал королевича за городом «и речь говорил»⁸³. Ко времени смерти царя Михаила Федоровича (13 июля 1645 г.) братья Салтыковы, как и прежде, входили в состав Боярской думы⁸⁴.

⁷⁵ Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 198–199.

⁷⁶ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 354, 360, 362–366, 390, 402–403 и др.; Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 2. С. 389–390, 392, 397, 404–405, 411 (прим.).

⁷⁷ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 363; Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 2. С. 389–390.

⁷⁸ Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 2. С. 389–390; Записные книги Московского стола // РИБ. Т. 9. С. 551.

⁷⁹ Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 2. С. 391; Записные книги Московского стола // РИБ. Т. 9. С. 553.

⁸⁰ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 394, 480, 511, 550, 571, 595, 604, 642, 666, 740, 752; Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 12, 21, 72, 95, 339, 363, 446, 490; Разрядная книга 1637–1638 гг. М., 1983. С. 129; Записные книги Московского стола // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 2, 191, 202, 302.

⁸¹ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 468, 575–578; Разрядная книга 1637–1638 гг. С. 131–133.

⁸² Боярская книга 1639 г. С. 22; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 650; Записные книги Московского стола // РИБ. Т. 10. С. 259.

⁸³ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 721.

⁸⁴ Правящая элита русского государства IX — начала XVIII веков. С. 318.

После возвращения из опалы в Москву Салтыковы, вероятно, смогли вернуть себе родовые вотчины, а также приобрести новые поместья. Очевидно, именно в это время царским указом Михаилу Михайловичу и его сыну была пожалована в Москве усадьба — бывший двор Федора Телятевского на Никольской улице (на «Никольском крестце») напротив Печатного двора. Известно, что уже в 1634 г. к находившейся в этой усадьбе деревянной церкви во имя Жен-мироносиц на деньги М. М. Салтыкова был построен деревянный придел в честь Успения Пресвятой Богородицы. А в 1647 г. вместо деревянной Мироносицкой церкви Михаил Михайлович выстроил на ее месте две каменные церкви — Мироносицкую и Успенскую. Указание при этом на то, что М. М. Салтыков был новым владельцем усадьбы, может служить подтверждением предположения о приобретении им этой усадьбы уже после снятия опалы. На то, что к этому владению мог иметь отношение и Б. М. Салтыков, указывает свидетельство о разделе усадьбы между братьями Салтыковыми в 1645 г. Впоследствии Мироносицкая церковь считалась приходским храмом расположенного по соседству с усадьбой Печатного двора, в этой церкви освящали книги, а Успенская церковь являлась домовым храмом Салтыковых⁸⁵. Так, в апреле 1669 г. при раздаче царем Алексеем Михайловичем по московским церквям денег на сорокоуст на поминование души почившей царицы Марии Ильиничны указывалась церковь Успения Пресвятой Богородицы на дворе боярина Михаила Михайловича Салтыкова⁸⁶ (т. е. его домовая церковь). Известно, что в 1639 г. Михаил Михайлович восстанавливал пострадавшую от пожара каменную церковь Троицы в Старых полях, находившуюся поблизости от его усадьбы.

Имеются сведения, что в 1635 г. Борис Михайлович Салтыков приобрел подмосковную усадьбу, располагавшуюся на Воробьевых горах на месте будущей «Мамоновой дачи»⁸⁷ (ныне в черте Москвы, на месте усадьбы находится Институт химической физики Российской Академии наук). 5 декабря 1635 г. Борис Михайлович купил в Звенигородском уезде 54 четверти порожней земли⁸⁸, а в январе 1636 г. 10 четвертей порожней земли (пустошь Литвиново) в Городском стане Звенигородского уезда купил Михаил Михайлович⁸⁹. 3 января 1642 г. Борису Михайловичу «за Московское осадное сиденье» в приход королевича Владислава под Москву в 1618 г. была дана жалованная грамота на вотчины в различных уездах, в том числе в Звенигородском уезде на село Козино (в 6 км к востоку от Звенигорода), к которому «припущена в пашню пустошь Девшино с пустошами» (147 четвертей земли)⁹⁰. Нет ясности в том, являлось ли село Козино владением Салтыковых до опалы братьев: пожалование его в 1642 г. за заслуги, имевшие место в 1618 г., выглядит достаточно странным; в 1628 г., во время опалы братьев, Козино значилось дворцовым селом⁹¹. При Борисе Михайловиче в Козине была построена церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы с двумя приделами — во имя святителя Николая Чудотворца и во имя мученицы Параскевы Пятницы⁹². Известно также, что Михаил Михайлович в середине XVII в. владел селом Ершово (в 3 км к северу от Звенигорода). Скорее всего, оно было им приобретено (куплено) уже после возвращения из ссылки в Москву⁹³; в 1626 г., во время опалы Салтыковых, Ершово значилось за И. А. Леховым⁹⁴. Следует отметить, что и Ершово, и Козино находятся достаточно далеко от старых вотчин Салтыковых на Звенигородчине — Хаустова, Завязова,

⁸⁵ Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1983. С. 422.

⁸⁶ Приходо-расходные книги Приказа тайных дел // РИБ. СПб., 1904. Т. 23. Стб. 1040.

⁸⁷ Романюк С. К. Москва за Садовым кольцом. М., 2007. С. 767.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 233. Кн. 667. Л. 54.

⁸⁹ Там же. Л. 75 об.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 233. Кн. 669. Л. 71.

⁹¹ Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. М., 1882. Вып. 2. С. 20.

⁹² Там же. С. 20—21.

⁹³ См., например: Там же. С. 113.

⁹⁴ Там же. С. 112.

Дяденькова; это может быть дополнительным свидетельством того, что Ершово и Козино — новые приобретения Салтыковых. У Бориса Михайловича и Михаила Михайловича был свой двор в Костроме⁹⁵, братья значились главными благодетелями костромского Богоявленского монастыря⁹⁶. По состоянию на 1645/1646 г. Михаилу Михайловичу Салтыкову принадлежало костромское село Молвитино⁹⁷.

Борис Михайлович, согласно переписным книгам 1646 г. (год его кончины), владел землями в Арзамасском, Воротынском, Дмитровском, Малоярославецком, Московском и Ярославском уездах, Михаил Михайлович — в Вологодском, Галичском, Дмитровском, Костромском, Московском и Рузском уездах⁹⁸. По неизвестной причине в этих книгах не значатся владения братьев в Звенигородском уезде. В конце царствования Михаила Федоровича Михаил Михайлович Салтыков был одним из 6 крупнейших магнатов России, которым в совокупности принадлежало 23579 дворов и 62448 душ мужского пола⁹⁹.

В 1645/1646 г. Борис Михайлович Салтыков болел¹⁰⁰, скончался бывший самарский воевода в начале правления царя Алексея Михайловича 26 июля 1646 г.¹⁰¹ в возрасте, надо полагать, около 60 лет, бездетным. Его женой была некая Мария Ивановна¹⁰² (в синодике костромского Богоявленского монастыря указываются, вероятно, монашеские имена двух жен Бориса Михайловича — Евфимия и Домника¹⁰³). Похоронен был Борис Михайлович рядом со своим отцом, в подклете Богоявленского собора костромского Богоявленского монастыря.

Через год после смерти Бориса Михайловича, в июле 1647 г., его брату Михаилу Михайловичу была дана послушная грамота на его (Михаила Михайловича) «купленные и закладные вотчины» в различных уездах, всего на 1323 четверти земли¹⁰⁴, а также ввозная грамота на звенигородские и костромские поместья покойного Бориса Михайловича¹⁰⁵. Таким образом, Михаил Михайлович из-за отсутствия у его брата прямых потомков стал наследником его владений. При царе Алексее Михайловиче М. М. Салтыков по-прежнему занимал видное положение. Например, в 1652 г. по указу царя участвовал в перенесении из Старицы в Москву мощей патриарха Иова¹⁰⁶.

Михаил Михайлович пережил своего брата на целых 25 лет, умер 3 октября 1671 г., когда возраст его, надо полагать, превысил 80 лет. Перед кончиной, по всей видимости, принял монашеский постриг с именем Исаакий; был похоронен так же, как его отец и брат, в подклете Богоявленского собора костромского Богоявленского монастыря¹⁰⁷.

Михаил Михайлович состоял в браке с Прасковьей Ивановной, урожденной Полевой (рубеж XVI—XVII в. — возможно, 1665 или позже), дочерью Ивана Осиповича Полева (?—1605)¹⁰⁸. (Дед Прасковьи Ивановны Осип Полев в 1554 г. местничал с Федором

⁹⁵ Писцовая книга Костромы 1627/28—1629/30 гг. С. 28.

⁹⁶ Костромская старина. Кострома, 1897. Вып. 4. Приложения. С. 95.

⁹⁷ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Вып. 5. С. 19.

⁹⁸ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. С. 151.

⁹⁹ Там же. С. 170.

¹⁰⁰ Рое М. Т. The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. P. 443.

¹⁰¹ Боярская книга 1639 г. С. 20.

¹⁰² Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 429, 470, 472, 502, 527.

¹⁰³ Костромская старина. Вып. 4. Приложения. С. 95.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 233. Кн. 673. Л. 650 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 651.

¹⁰⁶ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 301, 304.

¹⁰⁷ Баженов И. Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Исторический очерк. С. 48; Костромская старина. Вып. 4. Приложения. С. 95.

¹⁰⁸ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 429, 470, 472—473, 502, 527; Т. 3. Стб. 79; Щербачев О. В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым. С. 64—65.

Игнатъевичем Салтыковым (VI колено) — двоюродным дедом Михаила Михайловича¹⁰⁹.) У Михаила Михайловича и Прасковьи Ивановны были сын Петр и, вероятно, дочь Мария (IX колено). Предположение о существовании у Михаила Михайловича дочери Марии Михайловны (нач. XVII в. — после 1631) основано на записи, датированной 17 сентября 1631 г., о наделении «девки Марьи Михайловны, дочери Михаила Салтыкова» селом Зок(г)зино с деревнями в Андомском стане Костромского уезда — бывшей вотчиной великой старицы Марфы Ивановны¹¹⁰. Известно, что старица Марфа умерла в январе 1631 г. и, вероятно, завещала это село своей родственнице.

Сын Михаила Михайловича Петр Михайлович Салтыков (нач. XVII в. — 5.07.1690) фигурирует в документах начиная с последних годов правления царя Михаила Федоровича. Так, во время приема в Москве в январе 1644 г. датского принца Вальдемара Петр Михайлович на обеде в Грановитой палате исполнял обязанности чашника¹¹¹. Он был весьма близок царю Алексею Михайловичу, которому был приблизительно ровесником и по линии Шестовых приходился пятиуродным братом, а также был близок его сыну — царю Федору Алексеевичу. В начале царствования Алексея Михайловича П. М. Салтыков был в чине стольника¹¹², с 1646/1647 г. исполнял должность кравчего¹¹³, как когда-то его отец (но без «пути», в этой должности Петр Михайлович имел оклад¹¹⁴). В конце 1658 г. стал боярином¹¹⁵. Выполнял самые ответственные поручения царя Алексея Михайловича. Был главой Малороссийского приказа, Приказа Большой казны и других приказов¹¹⁶, в 60-х годах XVII в. принимал видное участие в деле патриарха Никона. Известно, что 15 января 1664 г. при прибытии Алексея Михайловича на молебен в Саввино-Сторожевский монастырь Петр Михайлович раздавал в монастыре царскую милостыню¹¹⁷. В 1673—1677 г. служил воеводой в Тобольске, в 1677—1678 г. — в Астрахани, в 1681 г. — в Смоленске¹¹⁸; в 1682 г. при царе Федоре Алексеевиче в качестве боярина подписал соборное деяние «об отставке отеческих случаев и местничества»¹¹⁹. Во время стрелецкого бунта 15 мая 1682 г. Петр Михайлович пережил страшную трагедию: мятежные стрельцы по ошибке убили его сына стольника Федора Петровича, приняв его за А. К. Нарышкина. Убедившись в ошибке, стрельцы отвезли тело убитого к отцу с извинениями. По преданию, Петр Михайлович ответил: «Божия воля!» — и велел угостить убийц¹²⁰.

Согласно переписным книгам 1678 г., Петр Михайлович владел землями в Арзамасском, Боровском, Вологодском, Галичском, Дмитровском, Звенигородском, Костромском, Московском, Перемышльском, Переяславском, Шацком и Ярославском уездах¹²¹. Среди представителей древних нетитулованных фамилий он вместе со стольником П. В. Шереметевым был очень крупным магнатом (им двоим принадлежало 4185 дворов и 15226 душ мужского пола)¹²². К тому же к 1686 г. Петр Михайлович имел один из наивысших боярских окладов — 800

¹⁰⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 473.

¹¹⁰ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Вып. 5. С. 20—21.

¹¹¹ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 727.

¹¹² Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 22.

¹¹³ Боярская книга 1639 г. С. 26; Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 64, 66, 72, 76, 78, 86, 93 и др.; Рое М. Т. The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. P. 444.

¹¹⁴ Боярская книга 1639 г. С. 26; ср.: Кошелева О. Е. О частновладельческих городах в России XVII века. С. 12.

¹¹⁵ Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 15; Рое М. Т. The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. P. 182.

¹¹⁶ Бояговяленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. С. 285.

¹¹⁷ Приходо-расходные книги Приказа тайных дел // РИБ. Т. 23. Стб. 456—457.

¹¹⁸ Дворянские роды Российской империи. СПб., 1995. Т. 2. С. 206.

¹¹⁹ СГД. М., 1828. Ч. 4. С. 407.

¹²⁰ См., например: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. 10. (Т. 13). С. 262.

¹²¹ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. С. 151.

¹²² Там же. С. 170.

рублей¹²³. Среди перечисленных земель Петру Михайловичу принадлежали земли, перешедшие ему от его дяди Бориса Михайловича, в частности, в Арзамасском и Звенигородском уездах. В Звенигородском уезде Петр Михайлович сосредоточил в своих руках старинные наследственные владения не только отца (прямых своих предков) и дяди, но и других Салтыковых. Точно известно о владении им в 1678 г. селом Хаустово (принадлежавшим некогда его прадеду), селами Ершово и Козино (перешедшими ему еще при жизни его отца, в 1662 г.¹²⁴), селом Завязово (принадлежавшим племянникам прадеда) с соседними деревнями. (При этом старинная вотчина Салтыковых Хаустово по размерам значительно уступала новым владениям — селам Ершово и Козино¹²⁵.) Можно также предполагать, что, поскольку сын Елизария Михайловича Салтыкова (VII колено), владевшего в Звенигородском уезде пустошью Копылово, Василий Елизарьевич (VIII колено) был бездетен, эти владения тоже отошли Петру Михайловичу. В описи казны Саввино-Сторожевского монастыря 1676 г. имеются записи о земельных менах (очевидно, в Звенигородском уезде), предпринимавшихся Михаилом Михайловичем и Петром Михайловичем Салтыковыми в 1651/1652 и 1662/1663 г.¹²⁶ В Костромском уезде в числе прочих вотчин Петру Михайловичу перешло от отца село Молвитино. Предполагается, что Воскресенский храм в этом селе был построен Петром Михайловичем в память об убиенном сыне Федоре (датой сооружения храма считается 1690 г. — год смерти самого Петра Михайловича) и что этот храм изображен на известной картине А. К. Саврасова «Грачи прилетели» (1871 г.)¹²⁷. От матери Прасковьи Ивановны в Костромском уезде Петру Михайловичу в 1665 г. (т. е. еще при жизни отца) перешли села, некогда принадлежавшие брату матери Алексею Ивановичу Полеву¹²⁸. (Дата перехода этих сел во владение Петру Михайловичу может служить ориентировочной датой кончины Прасковьи Ивановны.)

В Москве двор боярина Петра Михайловича Салтыкова, согласно переписной книге 1669 г., располагался в приходе церкви Спаса на Глинищах¹²⁹ (храм находился в Китай-городе на Лубянском проезде, в 1931 г. разрушен). Это было еще при жизни отца. После смерти Михаила Михайловича Петру Михайловичу отошла, надо полагать, и московская усадьба на Никольской улице. При нем в этой усадьбе к 1691 г. была перестроена в стиле «нарышкинского барокко» Успенская церковь. Именно в таком виде Успенская церковь дошла до наших дней (с XIX в. за ней закрепилось название Успенской церкви на Чижевском подворье), в интерьере на стенах восьмерика сохранилась живопись. Еще в XIX в. рядом с церковью располагалось кладбище¹³⁰. На то, что на этом кладбище были похоронены некоторые представители Салтыковых, указывает найденный на этом месте во время строительных работ в начале 2000-х годов обломок надгробной плиты XVII в., на котором прочитывалась фамилия Салтыковых: «...[СА]ЛТЫКОВЫ ЖЕНЫ ...[НЕСТ]ЕРОВА С[Ы]НА НЕВЕРОВСКОВА»¹³¹.

По аналогии с наследованием Михаилом Михайловичем и Петром Михайловичем земельных владений Бориса Михайловича можно сделать предположение о наследовании ими и

¹²³ Правящая элита русского государства IX — начала XVIII веков. С. 449.

¹²⁴ Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. Вып. 2. С. 21, 113.

¹²⁵ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. С. 151.

¹²⁶ Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII века // Материалы для истории Звенигородского края. М., 1994. Вып. 2. С. 92, 95.

¹²⁷ Зонтиков Н. А. Символ России: О храме, изображенном на картине А. К. Саврасова «Грачи прилетели» // Костромская земля. Кострома, 1999. Вып. 4. С. 13.

¹²⁸ Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Вып. 5. С. 47, 87.

¹²⁹ Вайнтрауб Л. Р. Церковь Спаса на Глинищах // Церковная археология Москвы. Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишеч. М., 2006. С. 22.

¹³⁰ Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. С. 422.

¹³¹ <http://mozhav.livejournal.com//32301.html>.

другого имущества бездетного родственника. В частности, можно думать, что самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» достался им именно от Бориса Михайловича. И это еще один из аргументов в цепи предположений о причастности к самарской рукописи Бориса Михайловича Салтыкова. Как было отмечено, Б. М. Салтыков, находясь в Самаре, мог выступать заказчиком этой рукописи или, по крайней мере, ее покупателем. Вначале рукопись могла храниться у него, а уже после его смерти перейти по наследству Михаилу Михайловичу и Петру Михайловичу. Таким образом, пометы на нижних полях нескольких первых страниц самарской рукописи, о которых выше шла речь: «Бояр», «Михайла», «Михайловича», «да Петра», «Михайловича», «Салтыковых», обозначающие принадлежность рукописи, должны были быть сделаны во 2-й половине XVII в. Поскольку оба Салтыкова названы здесь боярами, пометы, надо полагать, были сделаны между 1658 г., годом получения боярства Петром Михайловичем, и 1671 г., годом смерти Михаила Михайловича, т. е. приблизительно в 60-е годы XVII в., через 40 лет после создания самой рукописи.

Вероятно, Михаил Михайлович и Петр Михайлович Салтыковы были ценителями рукописных книг. Известно, что «по повелению Михаила Михайловича с 19 ноября 1644 по 5 января 1645 г. его человек Иван Ильин Шоров» сделал список Службы и Жития прп. Варлаама Хутынского¹³² (ныне хранится в РНБ). Произошло это еще при жизни Бориса Михайловича, когда, вероятно, самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» еще находился у него. Михаилу Михайловичу и Петру Михайловичу принадлежал также список Жития прп. Иосифа Волоцкого, выполненный в XVII в.¹³³ (ныне хранится в РГАДА). Пометы на нижних полях первых 13 страниц этого списка (по 1–2 слову на странице) указывают на его принадлежность Салтыковым, и они во многом схожи с пометами на самарской рукописи: «Книга глаголемая», «житие», «преподобного», «отца нашего», «чудотворца», «Иосифа», «Волоцкого», «бояр», «Михайла», «Михайловича», «да Петра», «Михайловича», «Салтыковых»¹³⁴ (написание слов приводим в соответствии с нормами современного русского языка). Пометы имеются также в конце этой книги. Одна из них заканчивается словами, вновь указывающими на принадлежность рукописи: «Михайла Михайловича да Петра Михайловича Салтыковых»¹³⁵.

У Петра Михайловича в браке с некоей Еленой Васильевной¹³⁶ (1-я пол. XVII в. — 5.08.1686) известны дети: Федор, Алексей, Петр, Агриппина (X колено).

Федор Петрович Салтыков (сер. XVII в. — 15.05.1682) (X колено), погибший, как уже было сказано, от рук убийц, был женат на некоей Анне Васильевне¹³⁷, в браке с которой имел сыновей Василия Федоровича (1675–1755) и Алексея Федоровича (до 1682 — 1712) (XI колено).

Об Алексее Петровиче Салтыкове (сер. XVII в. — после 1724) (X колено) известно, что с 1676 г. он был стольником, с 1682 г. — боярином¹³⁸, служил воеводой. В начале XVIII в. при царе Петре I Алексеевиче, которому он (так же как и другие сыновья Петра Михайловича) по линии Шестовых приходился шестиюродным братом, был московским и казанским губернатором. (Сыновья Петра Михайловича приходились шестиюродными братьями (по линии Салтыковых) и невестке Петра I, уже упоминавшейся царице Прасковье Федоровне, жене царя Ивана V. Примечательно, что через общего предка Салтыковых и Шестовых — отца Ивана Мороза и Василия Туши — Прасковья Федоровна доводилась своему свекру, царю

¹³² БАН. Картотека Никольского. Ящик 106. Л. 12821.

¹³³ Там же. Л. 12822.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 841. Л. 1–13.

¹³⁵ Там же. Л. 213.

¹³⁶ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 1073.

¹³⁷ Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре с XV по XIX век. С. 29.

¹³⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 769. Л. 29 об.; *Рое М. Т.* The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. P. 443.

Алексею Михайловичу, десятиуродной сестрой и, соответственно, своему мужу, Ивану V, — десятиуродной теткой (см. родословную схему).) В 1724 г. Алексей Петрович по собственному прошению был освобожден от губернаторства в Казани и вернулся в Москву¹³⁹. В конце XVII в. ему, вероятно, как старшему из оставшихся сыновей (или уже единственному сыну) Петра Михайловича перешла во владение старинная салтыковская вотчина в Звенигородском уезде — Завязово вместе с окрестными деревнями Торхово (Торхово), Турово и Выголово¹⁴⁰. Этот ряд деревень по созвучию названий легко отождествляется с перечнем деревень, упоминавшихся в середине XVI в. как вотчины сыновей Ефима (Худяка) Игнатьевича Салтыкова, — Терехово, Турово, Выгалово (см. выше). В начале XX в. населенными пунктами Ягунинской волости Звенигородского уезда Московской губернии вместе с деревней Завязово значились деревня Иголово, название которой несколько созвучно названию Выголово, и деревня Торхово¹⁴¹. И на современных картах рядом с Завязовым отыскиваются деревни Иголово и Торхово. Известно также, что в 1695 г. Алексею Петровичу как к тому времени уже единственному наследнику своего отца принадлежала подмосковная вотчина Салтыковых на Воробьевых горах, которую, как отмечалось выше, в 1635 г. приобрел Борис Михайлович Салтыков. Ко времени Алексея Петровича эта вотчина стала селом Андреевским. В соседстве с Андреевским находились дворцовое село Воробьево и Андреевский монастырь¹⁴².

Третий сын Петра Михайловича Петр Петрович Салтыков (сер. XVII в. — 10.04.1694) (X колено) с 1671/1672 г. был стольником, с 1688 г. — боярином¹⁴³. Согласно переписным книгам 1678 г., владел землями в Московском, Переяславском и Соловском уездах¹⁴⁴. Имел сына Алексея Петровича (кон. XVII в. — после 1769) (XI колено).

Агриппина Петровна Салтыкова (сер. XVII в. — 22.04.1675) (X колено) умерла девицей¹⁴⁵.

После смерти Петра Михайловича, в 1691 г., его внукам от погибшего сына Федора Петровича — Василию и Алексею Федоровичам (XI колено) — перешло звенигородское село Ершово; в 1702 г. оно числилось за Алексеем Федоровичем, затем перешло к одному из сыновей Василия Федоровича — Сергею Васильевичу¹⁴⁶ (XII колено). Во 2-й половине XVIII в. по женской линии потомков Василия Федоровича Ершово перешло в род Олсуфьевых. О звенигородском селе Козино известно, что после смерти Петра Михайловича с 1691 г. селом, очевидно, совместно владели его наследники: сыновья Алексей и Петр и внуки от сына Федора — Василий и Алексей Федоровичи, однако в 1705 г. Козино значилось во владении сына Петра Михайловича — Алексея Петровича, в 1769 г. село принадлежало внуку Петра Михайловича от сына Петра — Алексею Петровичу Салтыкову¹⁴⁷ (XI колено). На рубеже XVIII—XIX в. Козино перешло к Спиридовым. Не обнаружено сведений о владении кем-либо из Салтыковых после Петра Михайловича старинной вотчиной в Звенигородском уезде селом Хаустово: в 1786 г. Хаустово уже значилось за другими владельцами — княгиней Е. Ф. Мещерской¹⁴⁸. Последний из Салтыковых, кто владел подмосковным селом Андреевским на Воробьевых горах, был Алексей Федорович (XI колено), который в 1709 г. обменял его князю В. В. Долгорукову

¹³⁹ Дворянские роды Российской империи. Т. 2. С. 207.

¹⁴⁰ Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. Вып. 2. С. 48.

¹⁴¹ Населенные местности Московской губернии. М., 1913. С. 242, 243.

¹⁴² <http://www.apartment.ru/Article/48712653.html>.

¹⁴³ Рое М. Т. The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. P. 444.

¹⁴⁴ Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. С. 151.

¹⁴⁵ Баженов И. Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Исторический очерк. С. 48.

¹⁴⁶ Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий. Вып. 2. С. 113—114.

¹⁴⁷ Там же. С. 21.

¹⁴⁸ Фролов А. И. Усадьбы Подмосковья. М., 2003. С. 592.

на землю в Суздальском уезде¹⁴⁹ (по имени князя Андреевское стало называться Васильевским, в XIX в. — «Мамоновой дачей»).

По аналогии с наследованием родовых вотчин Салтыковых среди близких потомков Петра Михайловича можно предположить и передачу по линии его наследников самарской рукописи. При этом никаких прямых сведений о бытовании самарской рукописи в XVIII — 1-й половине XIX в. не найдено. Однако, по оценке специалистов, переплет, в который ныне заключена рукопись, был выполнен, скорее всего, на рубеже XVIII—XIX в. в старообрядческой среде. Это может указывать на то, что в XVIII в. самарская рукопись каким-то образом оказалась у старообрядцев и с этого времени Салтыковым уже не принадлежала.

Петр Михайлович, его супруга, три сына и дочь после смерти нашли упокоение, как и их ближайшие предки, в костромском Богоявленском монастыре. В настоящее время в обители имена всех похороненных там Салтыковых возносятся на заупокойных богослужениях. Салтыковы являлись благотворителями этого монастыря на протяжении всего XVII в. и в XVIII в. Им «монастырь обязан большею половиною зданий и лучшими вкладами»¹⁵⁰. Кроме упомянутых выше вкладов известно, что Борис Михайлович дал в монастырь Псалтирь¹⁵¹, в 1641 г. Михаил Михайлович (младший) сделал в монастырь вклад по своему отцу — кадило с верхом, устроенным наподобие царской короны¹⁵², в 1644 г. он дал на строительство каменной ограды монастыря 100 рублей и в 1647 г. — 1000 рублей¹⁵³. В 1650 г. коштом Салтыковых построены две каменные палаты и каменные ворота¹⁵⁴. В 1658 г. на средства Михаила Михайловича (младшего) и Петра Михайловича построены братские кельи¹⁵⁵. В июле 1672 г. иждивением Петра Михайловича артелью костромских живописцев под руководством Гурия Никитина и Силы Савина был расписан «греческим стенным письмом» Богоявленский собор монастыря, а в сентябре того же года расписаны паперти и сходы¹⁵⁶. (Во время пожара 1982 г. росписи в соборе погибли, сохранились только в подклете — родовой усыпальнице Салтыковых.) «Одним из благодетелей монастыря»¹⁵⁷ назван похороненный там сын Петра Михайловича Федор Петрович. Вкладами в Богоявленский монастырь являлись покровы на гробницы Салтыковых: на гробницу Михаила Михайловича (младшего) как вклад его сына Петра Михайловича, на гробницу дочери Петра Михайловича девицы Агриппины, на гробницу сына Петра Михайловича стольника Федора Петровича¹⁵⁸, на гробницу жены Петра Михайловича боярыни Елены Васильевны (выполнен, вероятно, в 1686 г., ныне находится в фондах музея Ростова Великого)¹⁵⁹, на гробницу самого Петра Михайловича¹⁶⁰ (выполнен в 1690 г., ныне хранится в костромском Церковном историко-археологическом музее). В 1693 г. Алексеем Петровичем Салтыковым на поминовение душ его родителей — Петра Михайловича и Елены Васильевны — в монастырь была вложена роскошная архимандричья митра¹⁶¹ для настоятеля монастыря. В 1704 г. вдова убиенного Федора Петровича Анна Васильевна и их сыновья Василий и Алексей Федоровичи дали в монастырь вклад — напрестольное Евангелие¹⁶².

¹⁴⁹ Романюк С. К. Москва за Садовым кольцом. С. 767; <http://www.apartment.ru/Article/48712653.html>.

¹⁵⁰ Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре с XV по XIX век. С. 16.

¹⁵¹ Писцовая книга Костромы 1627/28—1629/30 гг. С. 312.

¹⁵² Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре с XV по XIX век. С. 17—18.

¹⁵³ Там же. С. 19.

¹⁵⁴ Там же. С. 20.

¹⁵⁵ Там же. С. 22.

¹⁵⁶ Там же. С. 23.

¹⁵⁷ Там же. С. 26.

¹⁵⁸ Баженов И. Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Исторический очерк. С. 48.

¹⁵⁹ Пуцко В. Г. Надгробный покров боярыни Е. В. Салтыковой 1686 г. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2005. Вып. XV. С. 415—435.

¹⁶⁰ Баженов И. Костромской Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Исторический очерк. С. 48.

¹⁶¹ Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре с XV по XIX век. С. 27—28.

¹⁶² Там же. С. 29.

В XVIII в. в Богоявленском монастыре продолжали хоронить потомков сыновей Петра Михайловича. Существует фотография захоронений в усыпальнице собора. В 1889 г. известный художник В. В. Верещагин написал картину, изображающую гробницы Салтыковых. К сожалению, до настоящего времени надгробия Салтыковых не сохранились; помимо уничтожения их при советской власти, вероятно, часть надгробий была утрачена раньше.

Таким образом, выявленные сведения дают представление о Салтыковых, имевших отношение к самарскому списку «Повести о Варлааме и Иоасафе», как о влиятельнейших людях своего времени. К сожалению, никакой памяти о них, в том числе о самарском воеводе Борисе Михайловиче Салтыкове, в Самаре не сохранилось. Надеемся, что настоящая статья послужит хотя бы отчасти восполнению этого пробела. Выявленная причастность Салтыковых к звенигородской и галичско-коstromской землям связала с этими историческими территориями Самару. Символом этой связи могут служить величественный Богоявленский монастырь в Костроме, в котором покоятся «самарские» Салтыковы, и один из знаменитых древних иконографических образов, приписываемых школе прп. Андрея Рублева, звенигородского Успенского собора на Городке, достаточно редкий сюжет — беседа преподобных Варлаама и Иоасафа, которым посвящена самая древняя книга Самары.